

Тема: Международное и социалистическое движение в последней трети XIX в.

1. Рабочий класс в условиях социально-экономических сдвигов 70-90-х годов.
2. Деятельности Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала и II Интернационала).
3. Социал-демократическое движение в странах Запада в последней трети XIX в.

Материал к лекции.

1. Рабочий класс в условиях социально-экономических сдвигов 70-90-х годов.

В последние десятилетия XIX в. рабочий класс Западной Европы и США переживал процесс адаптации к новым условиям существования в обществе, которое превращалось в индустриальное. Характерный экономический облик стран этого региона - каковы бы ни были различия между ними - все более определялся развитием промышленности, ее техническим перевооружением и совершенствованием технологии производственного процесса, становлением тяжелой индустрии.

К этому времени в ведущих странах Запада существовало устойчивое ядро промышленного пролетариата, состоявшее из потомственных рабочих, для которых труд по найму на капиталистическом предприятии стал единственным источником средств к жизни. Даже во Франции, где крупная промышленность создавалась медленнее, чем в Англии, США или Германии, такой слой рабочих сформировался уже к середине XIX в. Там, где ее возникновению предшествовало давнее развитие ремесла и мануфактуры, из тех, кто из поколения в поколение занимался своей профессией (например, шелкоткача или оружейника в окрестностях Лиона и Сент-Этьена), рекрутировались первые кадры квалифицированных фабрично-заводских рабочих.

В то же время в последние десятилетия XIX в. отмечался значительный рост общей численности промышленных рабочих в странах не только I, но и II эшелона капиталистического развития. На Европейском континенте он происходил главным образом за счет пролетаризации деревни, поставлявшей массу неквалифицированной рабочей силы в горнодобывающую промышленность и в такие отрасли фабричного производства, где не требовалась высокая профессиональная выучка. Такие рабочие в первом поколении лишь постепенно отрывались от крестьянской среды, воздействие которой еще долго сказывалось на их представлениях и поведении. Но к концу XIX в. в Западной Европе эти новые контингенты уже интегрировались в состав рабочего класса и осознали свою принадлежность к нему. В США специфическим источником пополнения рабочего класса и прежде всего слоя неквалифицированных рабочих был приток иммигрантов из европейских стран. Их профессиональному продвижению и включению в новую социальную общность в немалой степени препятствовало существование языкового барьера.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве не только выталкивало избыточную рабочую силу из деревни в город, но и вело к растущему применению наемного труда в самом аграрном секторе. Складывался сельскохозяйственный пролетариат, который включал в себя как владельцев карликовых, не дававших возможности прокормиться земельных наделов, так и не имевших никакой собственности наемных рабочих (постоянных и сезонных) - с различными переходными ступенями между этими категориями. Процесс его формирования отчетливо прослеживался, например, в Германии по мере преобразования на капиталистический лад юнкерских хозяйств или в равнинных зонах Северной Италии, где преобладало интенсивное товарное земледелие и молочное скотоводство.

Организованное в крупных масштабах промышленное производство требовало подчинения работника жесткой дисциплине. Начало и конец рабочего времени строго регламентировались, правила внутреннего распорядка не допускали самовольных отлучек с предприятия или перемещений по его территории, надзор за их соблюдением возлагался на специальный штат мастеров, нарушения карались штрафом. Эти дисциплинарные требования сравнительно легко усваивались кадровыми рабочими, но вызвали бурный протест вчерашних крестьян или ремесленников, которые привыкли распоряжаться своим рабочим временем по собственному усмотрению или все еще рассматривали работу на фабрике как побочное занятие. Подобные настроения отражались и обычно для рабочих газет того периода сравнении промышленного предприятия с тюрьмой или каторгой.

Хозяева стремились поставить под свой контроль также и жизнь рабочих вне производственной сферы. В наибольшей степени это удавалось владельцам крупных предприятий, которые имели с прилегавшими к ним жилыми массивами особую, замкнутую среду. Таким «государством в государстве» был, например, принадлежавший семье Шнейдер комплекс металлургических заводов в Крезе (Франция). Рабочие здесь получали

от фирмы жилье, обслуживались ее же торговой сетью, им гарантировалось рабочее место, предоставлялись за счет предприятия пособия в случае болезни или производственной травмы, для их детей создавались школы, их поощряли к занятиям спортом или хоровым пением и т.д. - в обмен на покорность и беспрекословное повиновение хозяйской воле также и в политике. Позднее (в Новейшее время) подобная практика будет широко применяться предпринимателями и получит название патернализма. Но тогда она была еще редким исключением.

Определение условий труда на предприятиях в последней трети XIX в. почти повсюду считалось исключительным правом, работодателей и находилось практически вне сферы законодательного регулирования. К началу этого периода лишь в Англии существовал ряд законов, ограничивавших применение женского и детского труда в отдельных отраслях, и во Франции сохранял силу принятый во время революции 1848 г. закон, по которому продолжительность рабочего дня не должна была превышать 12 часов. В Англии, кроме того, с середины 70-х годов стали все шире практиковаться «коллективные сделки», т.е. соглашения об условиях труда между предпринимателями и тред-юнионами. Но и здесь, а тем более в других странах в условиях господствовавшей тогда свободной конкуренции главным регулятором длительности рабочего времени, уровня зарплат и т.д. были стихийно действовавшие законы рынка.

Рабочий день в середине 70-х годов обычно длился в Англии и США 10 часов, в Германии – 10-12 часов, во Франции – 11-12 часов, в Италии и Испании - от 12 часов и выше. При этом в мелкой и домашней промышленности продолжительность рабочего времени была, как правило, больше, чем на предприятиях фабрично-заводского типа.

В странах, недавно прошедших фазу промышленного переворота или еще не вполне завершивших его, значительную часть фабричных рабочих (в Италии, например, до 40%) составляли женщины, подростки и дети. Предприниматели заменяли ими взрослых рабочих-мужчин для выполнения простого машинного труда за более низкую плату (женщина за одинаковый с мужчиной труд обычно получала в 1,5-2 раза меньше). Законодательство об охране женского и детского труда распространялось медленно (закон 1886 г. в Италии, устанавливавший минимальный возраст детей, допускаемых к работе на фабриках, в шахтах и в ночных сменах, - соответственно 9, 10 и 12 лет; ограничение рабочего дня для женщин и подростков по закону 1891 г. в Германии), а положения существующих законов далеко не всегда соблюдались на практике.

В промышленности последних десятилетий XIX в. намечался переход от экстенсивного к интенсивному типу производства. Состав рабочего класса изменялся одновременно в двух направлениях: при продолжающемся расширении применении неквалифицированного труда наблюдался и относительный рост слоя квалифицированных, обученных рабочих преимущественно за счет качественных сдвигов в развитии тяжелой промышленности. Одни ее отрасли (машиностроение, судостроение) обновляли свою техническую основу, другие (электротехническая промышленность) ни шикали вообще заново. Производство в этих отраслях становилось все более, но и стимулировало воспроизводство квалифицированной рабочей силы нового уровня. Тем не менее в общей массе взятых в промышленности квалифицированные и, следовательно, лучше оплачиваемые рабочие оставались меньшинством.

При всех градациях заработной платы (различия по отдельным странам, по отраслям производства в одной и той же стране, по уровню квалификации внутри отрасли или предприятия, по полу и возрасту работников) она к началу 70-х годов в Западной Европе - может быть, за исключением Англии - в среднем едва обеспечивала элементарные жизненные потребности рабочей семьи. Не случайно в стачках последних десятилетий XIX в. чаще всего выдвигалось требование повышения заработной платы (а также сокращения рабочего дня).

Однако классовые конфликты возникали не только на этой почве. Выступления, направленные против введения машин (как, например, на табачных фабриках Рима и Турина в первой половине 70-х годов) были уже редкостью — машина не только превратилась в привычный атрибут фабричного обихода, но и начала восприниматься рабочими как средство облегчения их труда. Зато активное противодействие встречали исходившие от предпринимателей попытки принудить рабочих трудиться более интенсивно (перевод на обслуживание большего числа станков, введение сдельной оплаты при одновременном снижении расценок). Часто возмущение рабочих обращалось против надсмотрщиков или мастеров, олицетворявших в их глазах казарменную фабричную дисциплину. Вызывали протест различные злоупотребления администрации, произвольно налагаемые штрафы, увольнение тех, кто не мирился с хозяйским диктатом.

В законодательстве лишь постепенно изживался унаследованный от времен запрета на рабочие коалиции подход к стачке как уголовно наказуемому деянию. Сама она уже не запрещалась, но за призыв к стачке рабочие лидеры подвергались судебным преследованиям (США), бастующим могло инкриминироваться применение «насилия или угроз» (итальянский уголовный кодекс 1890 г.) и т.д. Во время крупных стачек второй половины 80-х годов в Бельгии, США, Германии против рабочих использовались полиция и войска, пускалось в ход оружие.

Тем не менее, стачки становились все более частыми, более массовыми, более длительными и упорными. Среднегодовое число стачек в 90-е годы по сравнению с предыдущим десятилетием выросло во Франции более

чем в 2,3 раза (а по сравнению с 70-и годами - в 5 раз), в Италии - более чем в 2,2 раза, в США - в 1,4 раза; среднегодовое число их участников - соответственно более чем в 1,7 раза (по сравнению с 70-и годами - более чем втрое), в 2,2 раза и почти в 1,8 раза. Продолжительность стачек во Франции в 1881-1890 гг. была в среднем примерно на 1/3 больше, чем в 1872-1880 гг.

Далеко не каждая стачка заканчивалась хотя бы частичным удовлетворением требований бастующих. Однако постоянный нажим на предпринимателей вынуждал их маневрировать, идти на уступки рабочим — иной раз и с опережением, не доводя дело до острого конфликта. За последнюю треть XIX в. положение рабочего класса развитых стран по некоторым показателям изменилось к лучшему. Реальная заработная плата в Англии, США, Германии, Франции выросла в среднем на 30-50% (увеличение номинальной денежной оплаты труда сочеталось с преобладавшей в то время тенденцией к снижению стоимости жизни). Средняя продолжительность рабочей недели в основных капиталистических странах была в начале нового столетия на 18% меньше, чем в 70-е годы (61 час вместо 74).

Стачки и другие массовые выступления играли важную роль в развитии сознания рабочего класса, воспитывали в нем дух коллективизма и солидарности, способствовали росту его организованности. Уже в ходе отдельных стачек возникали такие элементы организации, как совместная выработка требований или выделение делегатов для переговоров с хозяевами. Там же, где стачечное движение приобретало значительный размах, оно нередко давало непосредственный толчок объединению рабочих в профессиональные союзы. Создаваемые по собственному почину рабочих для выражения их специфических интересов, профсоюзы кардинально отличались от таких ассоциаций, которые действовали в рабочей среде под опекой предпринимателей, буржуазных политиков или церкви.

Наивысший подъем движения новых тред-юнионов в Англии, которые в отличие от старых охватывали низкооплачиваемых и ранее не организованных рабочих, напрямую связан с развернувшимися в 1889 г. стачками докеров и газовщиков Лондона. В 1889-1893 гг. волна стачек прокатилась по шахтам Саарского угольного бассейна в Германии, управлявшимся государственной администрацией и считавшимся «оазисом стабильности». Основанная тогда же шахтерами первая местная организация профсоюзного типа просуществовала недолго, но приобретенный опыт совместных действий не прошел бесследно: именно с этого времени они начали отвоёвывать себе автономию в сфере культуры и досуга, раньше всецело подконтрольной власти имущим. На исходе столетия, в 1899 г., стачки в Крезе и Монсоле Мин нарушили казавшийся незыблемым классовый мир в «стране Шнейдера». В частности, бастующие требовали признания за ними права на организацию в профсоюз.

Развивались и другие формы самостоятельной организации рабочих - как имевшие целью защиту их материальных интересов (потребительские кооперативы в Англии, Бельгии, Германии, Франции), так и отвечавшие их духовно-эстетическим потребностям (клубы, хоровые коллективы, в Германии - рабочий театр). Но особенно важное значение имело прогрессирующее осознание рабочим классом своей роли как самостоятельной политической силы, происходившее по мере становления и под воздействием организованного социалистического движения.

2. Деятельности Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала и II Интернационала).

Основанная в 1864 г. международная социалистическая организация - I Интернационал (МТР) к началу 70-х годов снискала в общественном мнении репутацию «седьмой великой державы». Ее влиянию приписывались даже чисто стихийные проявления социального протеста рабочего класса. Буржуазная пресса рисовала Интернационал в виде центра всеевропейского заговора и охотно фантазировала на тему о его огромных денежных средствах.

Начало нового периода в истории международного социалистического движения связано с таким беспрецедентным событием, как Парижская Коммуна. Она так или иначе повлияла на основные направления идейной борьбы в I Интернационале в 70-е годы и на самую дальнейшую судьбу этой организации.

Коммуна — вопреки тому, что утверждали ее противники, — не была вызвана к жизни Интернационалом, но «нащупала» и попыталась практически решить некоторые основные проблемы, в теоретической форме уже поставленные в программных документах или на конгрессах МТР. В Париже в 1871 г. рабочий класс впервые предпринял революционную попытку собственными силами освободить себя. Сочувствие к Коммуне стимулировало интерес к идеям Интернационала у тех, кто был солидарен с ней. Под влиянием Коммуны Интернационал обрел много новых приверженцев, в том числе и в странах, где раньше о нем почти не знали.

Сразу же после падения Коммуны Генеральный совет МТР принял и опубликовал посвященный ей манифест под названием «Гражданская война во Франции», написанный К. Марксом. «Тайну» Коммуны Маркс видел в том, что она была «правительством рабочего класса, ...открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда». Поэтому особенно подробно Маркс проанализировал начинания Коммуны в сфере государственного строительства, рассматривая ее как попытку «отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у

такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества».

Опыт Коммуны придал особую актуальность вопросу о политическом действии пролетариата. На конференции, которую Генеральный совет созвал в Лондоне (сентябрь 1871 г.), выработанные Интернационалом раньше установки на этот счет были сведены воедино и дополнены указанием на необходимость организации рабочего класса «в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами». Лондонская конференция, работавшая с участием лишь ограниченного числа делегатов с мест и в закрытом для посторонних порядке, была вынужденной заменой гласного, созываемого по всем уставным правилам конгресса ввиду ожесточенных преследований, которым подвергся Интернационал после поражения Коммуны.

Под воздействием Парижской Коммуны и в связи с решениями Лондонской конференции в Интернационале выявились острые внутренние разногласия. Два английских члена Генерального совета - тред-юнионистские лидеры Дж. Оджер и Б. Лекрафт - заняли враждебную Коммуне позицию и заявили протест против помещения их подписей под принятым от имени Генерального совета манифестом «Гражданская война во Франции». Они были выведены из состава Генерального совета, но часть организованных в тред-юнионы рабочих поддержала их и стала отходить от Интернационала. После Лондонской конференции, рекомендовавшей английским секциям МТР приступить к созданию своего федерального совета, секретарь Генерального совета Дж. Хейлз и его единомышленники попытались привлечь к этой работе преимущественно организации буржуазно-реформаторской направленности. Деятели этих организаций толковали решение конференции о политическом действии рабочего класса в смысле объединения рабочих в партию для чисто парламентской борьбы, следующую в фарватере буржуазных радикалов. Под флагом Интернационала развернули свою собственную пропаганду и буржуазно-реформаторские элементы в США во главе с В. Вудхолл, создавшие так называемую секцию № 12. Эта секция предъявила притязания на руководство деятельностью МТР в США, которые были отвергнуты Генеральным советом. В континентальных европейских странах против решений Лондонской конференции и всей линии Генерального совета выступили принадлежавшие к Интернационалу сторонники М. Бакунина.

На Базельском конгрессе Интернационала (1869) бакунисты впервые противопоставили свою позицию той, которую отстаивали сторонники Маркса, - но по сравнительно второстепенным вопросам. Лишь после Парижской Коммуны, когда в центре внимания Интернационала оказалась проблема политического действия пролетариата, составлявшая предмет коренных расхождений между марксизмом и бакунизмом, два идейных течения столкнулись по всему фронту и с небывалой до того остротой.

Идеи Интернационала в специфически-бакунистской интерпретации находили наибольший отклик там, где им навстречу шел особенно сильный ток стихийных бунтарских настроений выбитых из привычной колеи крестьян, ремесленников, еще не освоившихся с фабричной системой рабочих. Опорой Бакунина стали уже существовавшие или вновь создаваемые секции Интернационала в романской Швейцарии, Южной Франции, Испании, Италии.

Развернув ожесточенную полемику против решений Лондонской конференции, бакунисты вынесли на первый план даже не резолюцию о политическом действии (которую они, естественно, отвергли), а организационные вопросы. В самом созыве конференции вместо конгресса они усмотрели проявление авторитарных, диктаторских поползновений Генерального совета (отождествляемого с Марксом), ущемление прав местных секций. Они требовали изгнать из Интернационала всякое централистское начало и строить его исключительно по принципу «снизу вверх», как добровольное объединение автономных секций. Швейцарские бакунисты на своем съезде в Сонвилье приняли обращение ко всем организациям Интернационала, предлагавшее добиваться скорейшего созыва чрезвычайного конгресса для ограничения полномочий Генерального совета и общего пересмотра устава в «антиавторитарном» духе.

Однако идея чрезвычайного конгресса не нашла ожидаемой бакунистами поддержки даже в организациях, находившихся под их влиянием (в частности, в Испании). Генеральный совет объявил, что общий конгресс Интернационала будет созван в обычном уставном порядке в сентябре 1872 г. Местом его проведения была избрана Гаага.

Бакунисты оказались на конгрессе в меньшинстве и по всем важнейшим вопросам потерпели поражение. Лондонскую резолюцию о политическом действии рабочего класса конгресс не только подтвердил, но постановил включить ее положения в устав Интернационала, что придало им программный характер. Полномочия Генерального совета были еще усилены: он получил право временно (до очередного конгресса) исключать из Интернационала секции и федерации, не подчиняющиеся решениям общих конгрессов.

Особо был рассмотрен вопрос о создании бакунистами тайной организации внутри Интернационала. Первую информацию об этом Генеральный совет получил весной 1872 г. от П. Лафарга, заметившего признаки тайной деятельности бакунистов в испанских секциях. Для соответствующего расследования конгресс создал специальную комиссию, по докладу которой постановил исключить из Интернационала М. Бакунина и его швейцарского единомышленника Дж. Гийома.

Местопребывание Генерального совета было решено перенести из Лондона в Нью-Йорк. В Лондоне он испытывал растущее давление, с одной стороны, реформистских лидеров английских тред-юнионов, а с другой — тяготеющих к заговорщическим методам бланкистов из числа эмигрантов-коммунаров. Предложение перенести руководство МТР в Нью-Йорк исходило от К. Маркса. Выбор в пользу США подсказывался соображениями двоякого рода: на Европейском континенте повсюду продолжались гонения на Интернационал, тогда как в США перспективы его деятельности казались весьма благоприятными (за 1871 г. здесь возникло около 30 новых секций).

Однако эти ожидания не оправдались. Перенесенный в Нью-Йорк Генеральный совет вскоре практически утратил связи со странами Европы. Его попытка созвать осенью 1873 г. очередной общий конгресс МТР не увенчалась успехом. С ним оставались в контакте и продолжали действовать лишь секции Интернационала в США, которые объединяли в основном недавних, еще не ассимилированных иммигрантов (немцев, французов, ирландцев и т.д.) и почти не охватывали рабочих, считавшихся уже «коренными американцами».

После Гаагского конгресса в Интернационале углубились расхождения и произошел раскол. Из него вышли бланкисты-коммунары, не согласные с перенесением Генерального совета в Нью-Йорк. Решений конгресса не признали стоявшие на анархистских позициях организации романских стран Европы. Генеральный совет в соответствии с новыми уставными полномочиями объявил, что тем самым они поставили себя вне Интернационала. Они, однако, продолжали от имени Интернационала созывать свои международные конгрессы (Женева - 1873 г., Брюссель - 1874 г., Берн - 1876 г., Вербье - 1877 г.), тогда как деятельность МТР на той основе, которая была выработана к началу 70-х годов, постепенно замирала. В 1876 г. созванная Генеральным советом конференция в Филадельфии приняла решение о роспуске МТР.

Главным результатом деятельности I Интернационала стала подготовка почвы для создания самостоятельных политических партий рабочего класса. Принадлежавшая К. Марксу и в 1871 - 1872 гг. воспринятая лишь частью организаций Интернационала, эта идея к концу десятилетия пустила корни в социалистическом движении и тех стран, где еще в начале 70-х годов преобладало влияние Бакунина или (как в Бельгии) П.-Ж. Прудона. Это показал, в частности, состоявшийся сразу же после конгресса анархистов в Вербье и с их участием международный социалистический конгресс в Генте. 22 голосами против 9 (анархистов) по вопросу о политическом действии было принято решение, повторявшее основные положения резолюции Лондонской конференции 1871 г. Начиная со второй половины 70-х годов стал разворачиваться и реальный процесс формирования рабочих политических партий в странах Запада.

Образование и начало деятельности II Интернационала (1889-1896). На протяжении 80-х годов стали все чаще предприниматься исходившие с разных сторон попытки создать интернациональную социалистическую организацию, подобную МТР или являющуюся его преемницей.

Идея общности коренных интересов пролетариев всех стран продолжала жить и после прекращения деятельности МТР, став прочным достоянием социалистического движения. Рабочие партии поддерживали между собой контакты, ощущали свою солидарность друг с другом и проявляли ее в конкретных действиях. Они направляли своих представителей в поездки с лекциями и докладами в другие страны, обменивались публикациями в своих печатных органах, практиковали финансовую взаимопомощь при проведении избирательных кампаний, выступали с общих позиций против милитаристских поползновений и колониальной политики правительств (во время оккупации Англией Египта в 1882 г., угрозы германо-испанского конфликта из-за Каролинских островов в 1885 г., обострения франко-германских отношений во второй половине 80-х годов). Благодаря социалистической печати получали широкий международный резонанс наиболее значительные проявления забастовочной борьбы, например, продолжавшаяся полгода стачка шахтеров Деказвилля (Франция) в 1886 г., в фонд которой поступили средства, собранные в Италии, Бельгии, Нидерландах, Германии, США, Швейцарии.

Стремясь придать интернациональным связям социалистов постоянный характер посредством их организационного закрепления, некоторые ветераны МТР предлагали возродить его в прежнем виде. Однако Маркс и Энгельс в начале 80-х годов считали, что старая форма интернациональной организации изжила себя, а для новой еще не созрели условия. Ее основой могли бы стать только созданные повсеместно рабочие партии, но в то время таких партий было немного.

К «законной реорганизации Интернационала» стремились и реформистски настроенные социалисты, прежде всего французские POSSИБИЛИСТЫ. Они организовали в Париже две международные встречи (конференцию в 1883 г. и более представительный конгресс в 1886 г.), которые, однако, не оказали какого-либо влияния на состояние интернациональных связей. На 1889 г. было намечено провести в Париже новый конгресс. Это решение поддержал международный профсоюзный конгресс, состоявшийся в 1888 г. в Лондоне по инициативе английских тред-юнионистов. Он поручил организацию будущего конгресса в Париже POSSИБИЛИСТАМ.

В 1887—1888 гг. идею международного конгресса стало активно выдвигать и марксистское крыло социалистического движения, в частности СРП Г и ФРП. К этому времени социалистические и социал-

демократические партии существовали уже в большинстве стран Европы, что кардинально меняло ситуацию по сравнению с началом десятилетия. Состоявшийся в конце 1888 г. съезд синдикальных палат Франции принял предложение французских марксистов созвать во время Всемирной выставки 1889 г. в Париже международный конгресс рабочих и социалистических организаций.

На этот конгресс приглашали и POSSИБИЛИСТОВ, но те, ссылаясь на решение Лондонского конгресса 1888 г., настаивали на своем праве быть устроителями конгресса в Париже. Они заранее разработали повестку дня и добивались, чтобы конгресс принял ее без изменений, а голосование проходило бы по принципу: каждой национальной делегации - один голос.

Таким образом, на 1889 г. в Париже намечались два разных конгресса. Напрашивалась мысль о поисках какого-то компромисса, позволяющего объединить их. Собравшаяся в феврале 1889 г. в Гааге конференция с участием рабочих организаций нескольких стран предложила провести единый конгресс и оставить за POSSИБИЛИСТАМИ право его созыва, но при условии, что они признают право конгресса самому определить свою повестку дня и не будут требовать голосования «по нациям». POSSИБИЛИСТЫ (не приславшие своих представителей в Гаагу) ответили отказом.

Оба конгресса открылись 14 июля 1889 г. - в 100-летнюю годовщину взятия Бастилии. Конгресс, созданный марксистами, стали называть Конгрессом объединенных социалистов. На нем было представлено около 300 организаций из 20 стран (практически всех европейских, а из Нового Света - США и Аргентины). Среди делегатов этого конгресса большинство принадлежало к марксистскому течению, но были также реформисты и анархисты. На POSSИБИЛИСТСКОМ конгрессе присутствовали делегаты из 14 стран, однако огромное большинство его участников составляли сами POSSИБИЛИСТЫ (из зарубежных делегаций наиболее многочисленной была английская). Некоторые организации дали своим делегатам мандат на оба конгресса и право самим решить, в каком из них участвовать. Уже в ходе работы двух конгрессов был снова поднят вопрос об их объединении, но оно так и не состоялось из-за противодействия POSSИБИЛИСТОВ.

Конгресс объединенных социалистов постановил, что впредь международные социалистические конгрессы должны созываться регулярно. В такой форме было положено начало новой международной организации - II Интернационалу. От I Интернационала он отличался тем, что опирался на действующие в отдельных странах партии, а потому не нуждался в столь же строгой централизации и существовании органа, подобного по своим функциям Генеральному совету МТР.

Оба конгресса - и марксистский, и POSSИБИЛИСТСКИЙ - имели в повестке дня вопрос о международном трудовом законодательстве, на обоих были приняты резолюции с требованием 8-часового рабочего дня. Но резолюция Конгресса объединенных социалистов содержала гораздо более конкретные рекомендации относительно путей и средств борьбы за законодательство об охране труда, предусматривая не только соответствующие действия социалистов в парламентах, но и проведение митингов, демонстраций, организацию петиций и т.д. Отдельно по предложению американского делегата было принято решение о международном дне борьбы за рабочее законодательство - 1 Мая. Этот день был выбран в память о начавшихся 1 мая 1886 г. и имевших трагический исход массовых выступлениях под лозунгом 8-часового рабочего дня в Чикаго.

На первых четырех конгрессах II Интернационала (1889 - Париж, 1891 - Брюссель, 1893 - Цюрих, 1896 - Лондон) в оппозиции к большинству неизменно оказывались анархисты. На Парижском конгрессе они выступили против борьбы за трудовое законодательство, считая, что добиваться от существующего государства каких-либо законов в пользу рабочих - значит идти на сделку с ним, тогда как нужно стремиться к его разрушению. Конгресс отверг эту точку зрения и одновременно подчеркнул в своем решении, что борьба за законодательные меры по охране труда не должна отрываться от борьбы против самой капиталистической системы, а социальное освобождение пролетариата достижимо лишь при условии завоевания им политической власти. В другой резолюции (об экономической и политической борьбе) конгресс - опять-таки в противовес позиции анархистов - призвал создавать политические рабочие партии там, где их еще не было, и добиваться повсеместного введения всеобщего избирательного права, чтобы использовать его в интересах рабочего класса. Брюссельский конгресс отказался даже обсуждать предложение анархистов о единой международной тактике, которое имело в виду исповедовавшуюся ими тактику «прямого действия» (повстанческие выступления, бойкот, саботаж и т.д.). На Цюрихском конгрессе было решено впредь не допускать на международные социалистические конгрессы анархистов, поскольку они не признают политическую борьбу. В связи с этим и само понятие политической борьбы было уточнено в смысле, исключающем его анархистское истолкование как разрушение государства: указывалось, что оно подразумевает использование политических свобод и завоевание политической власти. Конгресс рекомендовал использовать как парламентские, так и внепарламентские формы борьбы. Лондонский конгресс подтвердил, что решение об изгнании анархистов из Интернационала является окончательным.

Таким образом, II Интернационал унаследовал от МТР проблему «выяснения отношений» с анархизмом. Как и тогда, в фокусе идейной борьбы с этим течением оказался вопрос о политическом действии рабочего класса, но в более конкретной постановке - не только в общепринципиальном, но и в тактическом плане. II

Интернационал в этом вопросе встал на марксистские позиции, причем уже на начальном этапе своей деятельности пришел и к организационному размежеванию с анархистами.

Еще одно стержневое направление деятельности II Интернационала не только в первые годы, но и позднее — это выработка позиции социалистического движения по вопросу о милитаризме, военной опасности и путях борьбы с ней. Он был весьма актуальным уже в конце XIX в. в свете «вооруженного мира» в Европе, начавшегося разделения великих держав на два враждебных блока и охватившей европейские страны лихорадки колониальных приобретений. Эти явления вызывали озабоченность не только социалистов, но и демократической общественности, что нашло выражение в развитии пацифистского движения (первый международный конгресс пацифистов состоялся, как и учредительный конгресс II Интернационала, в Париже в 1889 г.).

На Лондонском конгрессе II Интернационал впервые определил свое отношение к национальному вопросу и колониальной политике. В специальных пунктах резолюции о политической борьбе конгресс высказался за «полное право самоопределения всех наций» и подчеркнул, что «под каким бы предлогом - религиозным или цивилизаторским — ни осуществлялась колониальная политика, она всегда имеет целью лишь расширение сферы капиталистической эксплуатации в исключительных интересах класса капиталистов». В отдельной резолюции от имени конгресса было выражено сочувствие освободительному движению народов Востока.

В повестке дня Лондонского конгресса первым пунктом стоял аграрный вопрос. Конгрессу предшествовали дискуссии по этому вопросу на съездах германской социал-демократии в 1894 и 1895 гг., разработка аграрной программы ФРП и ее критика в одной из последних работ Энгельса («Крестьянский вопрос во Франции и Германии», 1894 г.). Но на самом конгрессе аграрные проблемы не вызвали особого интереса. В резолюции указывалось, что окончательное устранение тех отрицательных явлений, которые порождены господством капитализма в сельском хозяйстве, станет возможным лишь после перехода земли - как и других средств производства - в общественную собственность. На ближайшее будущее конгресс не выдвинул каких-либо конкретных задач деятельности социалистов в деревне, за исключением организации сельскохозяйственного пролетариата, постановив, что в остальном каждая партия ввиду существующего разнообразия поземельных отношений должна определять свою политику в данной области самостоятельно. Признавался желательным обмен материалами между комиссиями по изучению аграрного вопроса, которые уже существуют или будут созданы в отдельных партиях. Но II Интернационал в дальнейшем больше не возвращался к его обсуждению.

3. Социал-демократическое движение в странах Запада в последней трети XIX в.

Такие партии, в разных странах называвшиеся по-разному (социал-демократическая, социалистическая, рабочая и т.п.), охватываются общим понятием «социал-демократия». Там, где они создавались в 70-80-е годы, это, как правило, происходило при активном участии людей, прошедших школу I Интернационала и являвшихся живыми носителями его традиций и опыта.

В Германии еще в период существования МТР (в 1869 г.) стоявшими на его платформе В. Либкнехтом и А. Бебелем была основана Социал-демократическая рабочая партия, по месту своего учредительного съезда обычно называемая эйзенахской. В США секции МТР участвовали в попытках создать партии локального масштаба в 1873-1874 гг., а затем стали основной базой Рабочей партии Америки, организованной на съезде в Филадельфии сразу же после роспуска Интернационала (через год она примет название Социалистической рабочей партии). Португальская социалистическая партия, образование которой относится к 1875-1878 гг., создавалась для взаимодействия с объединявшей сторонников Интернационала Португальской ассоциацией трудящихся, а в 1878 г. слилась с этой организацией в Португальскую партию рабочих-социалистов. Одним из основателей оформившейся в 1879-1880 гг. Французской рабочей партии (ФРП) стал П. Лафарг, до того сыгравший немаловажную роль в деятельности испанских организаций МТР. В Испании же созданная когда-то по его инициативе Новая мадридская федерация Интернационала явилась ядром возникшей в 1879 г. Социалистической рабочей партии (ИСРП), которую возглавил П. Иглесиас. Образование в 1885 г. Бельгийской рабочей партии (БРП) было подготовлено деятельностью социалистических организаций, руководимых С. де Папом и Л. Бертраном, в прошлом членами I Интернационала.

В организационном отношении эти и подобные им партии строились иногда на базе индивидуального членства (эйзенахская СДРП, ФРП), иногда - как федерации с коллективным членством (БРП, в которую входили, в частности, многие кооперативы), иногда - сочетая тот и другой принципы (Итальянская социалистическая партия - ИСП, основанная в 1892 г. на началах коллективного членства и дополнившая его индивидуальным три года спустя). Но их важнейшим общим качеством было то, что они принципиально отличали себя от партий имущих классов, искали свою опору в рабочем классе и стремились быть выразителями его интересов.

Первые попытки создания рабочих партий, которые относились еще к 30-м годам XIX в. (наиболее значительная из них была предпринята чартистами в Англии), не имели какого-либо теоретического обоснования и не дали устойчивых и долговременных результатов. Идея организации рабочего класса в самостоятельную партию для политической борьбы в условиях капитализма, а также и для завоевания власти в целях

социалистического переустройства общества исторически связана с марксизмом. В таком понимании она не вписывалась в какие-либо другие концепции, продолжавшие существовать в социалистическом движении. Анархисты — будь то приверженцы бунтаря М. Бакунина или мирного реформатора П.-Ж. Прудона - отвергали ее в принципе. Бланкисты, не отрицая политического действия как такового, сводили его к захвату власти и ее последующему диктаторскому использованию узким кругом заговорщиков. Сторонники Ф. Лассалья, основавшие в 1863 г. Всеобщий германский рабочий союз (ВГРС), создавали его как политическую организацию, но не имели в виду самостоятельной политики рабочего класса: в обмен на всеобщее избирательное право они поддержали национальное объединение по-бисмарковски и примирились с полуабсолютистским государственным строем Германской империи.

В 70-е годы немарксистские социалистические течения в значительной мере утратили свой былой вес. Прудонисты, проявившие значительную активность в начальный период деятельности МТР, не смогли добиться идейного преобладания в нем, а часть из них уже тогда стала отходить от «чистого» прудонизма. Во время Парижской Коммуны прудонисты были главными проводниками ее социально-экономических мероприятий, однако при этом обычно действовали вопреки доктрине Прудона. К концу 70-х годов во французском социалистическом движении над прудонизмом одержало верх влияние коллективистов - сторонников общественной собственности на средства производства. Бланкисты, в Коммуне проявившие себя преимущественно в сфере военно-политической борьбы, действовали в большем соответствии со своими специфическими взглядами. Поражение Коммуны не побудило их к пересмотру этих взглядов, но обострило присущую им тенденцию к сектантской замкнутости, что способствовало их дальнейшей изоляции. В Германии лассальянцы в 1870-1871 гг. приблизились к позиции эйзенахцев в отношении франко-прусской войны и Коммуны и на низовом уровне участвовали в их начинаниях, а в 1875 г. на съезде в Готе объединились с ними. Численно лассальянцы были тогда еще сильнее эйзенахцев, но их подталкивал к объединению нараставший с начала 70-х годов кризис ВГРС. Волна бакунинского анархизма в тех европейских странах, где он получил распространение, во второй половине 70-х годов пошла на убыль, что в решающей мере было связано с крайне неудачными действиями бакунистов во время революционных событий 1873 г. в Испании и провалом предпринятых ими в 1874 и 1877 гг. попыток восстания в Италии.

Одновременно рос авторитет марксизма. Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса стали переводиться на различные языки, их идеи пропагандировались в социалистической печати, появились написанные разными авторами популярные изложения марксистской теории. К концу 70-х - началу 80-х годов марксизм уже не был лишь одним из многочисленных социалистических течений, но отвоёвал себе среди них ведущую, главенствующую роль.

В этих условиях становление социал-демократических партий происходило именно на марксистской идейной основе. Их лидеры осознанно стремились руководствоваться теоретическими принципами марксизма. Но процесс освоения марксизма социал-демократией и его распространения «вширь» (выражение В.И. Ленина) протекал отнюдь не просто.

Взгляды самих основоположников марксизма прошли значительный путь развития с того времени, когда они впервые изложили свое учение. Поскольку это развитие продолжалось, оно в принципе не могло привести к каким-то имеющим окончательный характер результатам или к полному преодолению присущих теории марксизма противоречий, несогласованности отдельных положений и т.д. Ее разработка была совместным делом Маркса и Энгельса, но при этом каждый из них выражал общую идейную позицию по-своему, вносил в ее обоснование собственный оттенок, Энгельс к тому же прожил дольше и имел возможность наблюдать и осмысливать такие явления в жизни общества, которых Маркс не застал. Следовательно, марксизм уже «в оригинале» (в том виде, как он представал в работах Маркса и Энгельса) не был чем-то монолитным, застывшим, допускавшим всегда лишь одно истолкование.

С другой стороны, в первом поколении социал-демократических лидеров никто не являлся приверженцем марксизма изначально, все они шли к этому от каких-то иных позиций. Так, один из вождей эйзенахцев В. Либкнехт начинал свой путь в рядах мелкобуржуазной демократии образца 1848 г., второй - А. Бебель - в рабочих обществах либеральной направленности. Из двух основателей ФРП П. Лафарг прошел через влияние прудонизма, а Ж. Гед, до начала 70-х годов республиканец, затем на протяжении нескольких лет был анархистом бакунинского толка. Основатель ИСП Ф. Турати в юности разделял политические идеи радикальной демократии, восходившие к эпохе Рисорджименто, а в философском отношении был позитивистом. Его сподвижница А. Кулишова до эмиграции из России (1877) принадлежала к «южным бунтарям» - одному из течений народничества, объединявшему русских последователей Бакунина. Народническое прошлое было у Г.В. Плеханова и других членов созданной в 1883 г. в Женеве русской марксистской группы «Освобождение труда». Марксистские воззрения в подобных случаях складывались в результате нелегко дававшегося пересмотра прежних взглядов и нередко сохраняли их отпечаток.

Социал-демократические партии отводили важное место пропаганде марксистских идей. Но при этом для

читательской аудитории социалистических газет или членов рабочих кружков многое излагалось упрощенно, слишком прямолинейно, пояснялось с помощью не всегда правомерных аналогий. В свою очередь, в массовом сознании надолго сохранялись превратившиеся в стереотипы представления, которые шли от старых социалистических школ. Их рецепты общественного переустройства привлекали кажущейся простотой и легкостью осуществления, марксистские же положения были сложнее для восприятия и усваивались на массовом уровне с опорой не столько на рациональную аргументацию, сколько на веру в их истинность, т.е. в формах, сходных с религиозным сознанием (это наблюдение принадлежит А. Грамши).

Таким образом, марксизм на пути к утверждению своей идейной гегемонии в социалистическом движении не только преодолевал влияние других теорий, но и сам испытывал его, а также подвергался определенной вульгаризации. При этом могли возникать острые коллизии, как, например, в связи с Готской программой, принятой при объединении эйзенахцев с лассальянцами, которым завершилось становление германской социал-демократии (после объединительного съезда она приняла название Социалистической рабочей партии Германии - СРПГ).

Проект этой программы, опубликованный перед съездом, содержал ряд специфически лассальянских положений (о государственной помощи производительным товариществам рабочих, о «железном законе» заработной платы, будто бы исключающем возможность добиваться ее повышения, о праве работника на «неурезанный трудовой доход», о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют «лишь одну реакционную массу», и т.д.). С другой стороны, в проекте были формулировки, которые восходили к идеям программных документов МТР и «Коммунистического манифеста», но передавали их весьма приближенно и неточно. Все это вызвало резкую критику со стороны Маркса и Энгельса как отступление от идейных позиций, которые они считали уже завоеванными.

Но теоретический уровень Готской программы как раз и отражал сложности и противоречия, которыми было отмечено приобщение к марксизму социал-демократии того времени. Даже те социал-демократические деятели, которые были в наибольшей степени знакомы с марксизмом, восприняли его, как выяснилось, во многом поверхностно. Эклектичное сочетание в Готской программе марксистских и немарксистских идей - лишь наиболее известный случай в ряду подобных явлений, порождавшихся самим процессом развития социалистического движения. Включенные же в программу лассальянские формулы отвечали тем расхожим представлениям об общественном переустройстве, которые и тогда, и еще долгое время спустя преобладали в сознании рядовых, не искушенных в теории приверженцев социал-демократии.

Политические рабочие партии складывались в условиях уже установившегося в странах Запада конституционного строя, что повлияло им действовать легально - участвовать в избирательной борьбе, издавать свои газеты, добиваться влияния на различного рода массовые организации (профсоюзы, кооперативы и т.д.). Легальность их существования могла быть поставлена под удар мерами типа исключительного закона против социалистов в Германии, на двенадцать лет (1878-1890) загнавшего социал-демократию в подполье. Однако подобные ситуации возникали редко, и легальные возможности успешно использовались социал-демократическими партиями для укрепления своих позиций.

Все эти партии в своих первых программных документах в той или иной форме заявляли, что их цель — установление социалистического строя. Но их ближайшие задачи были связаны с борьбой за реформы в рамках капитализма — фабричное законодательство, социальное страхование для рабочих, демократизацию избирательных систем и т.д. Внутри социал-демократических партий уже в конце 70-х - начале 80-х годов стали обнаруживаться разногласия по поводу того, как соотносятся между собой цели одного и другого порядка и какие средства применимы для их достижения. Еще одна линия расхождений по этим вопросам пролегла между социал-демократией и анархистским течением, которое (хотя и в ослабленном виде) продолжало существовать и проявлять активность на международной арене.